

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Шаповалова Людмила Ивановна

доцент кафедры белорусского и русского языков учреждения образования
«Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»;
кандидат филологических наук, доцент
(Могилев, Беларусь)

Говоры могилевско-смоленского пограничья (МСП) квалифицируются как русско-белорусские (белорусско-русские) переходные говоры, представляющие собой своеобразное койне – общий язык, образовавшийся в результате многовекового взаимодействия русских и белорусских диалектов, позже – двойного воздействия со стороны литературных языков, белорусского и русского. Поэтому в них «органически сочетаются, образуя единое целое, русские и белорусские языковые элементы; такое гармоническое единство прослеживается на всех уровнях языка – лексическом, фонетическом, деривационном, грамматическом» [1, с. 131]. Литературное белорусско-русское влияния в лексике говоров МСП описывалось составителями «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», но оно не менее значительно и на деривационном уровне.

Диалектное словообразование изучает модели образования слов, фиксируемые в языковом сознании носителей говоров. В условиях устного бытования, которое является основной формой существования говоров, «создание новых слов носит спонтанный характер и отражает действие языковой аналогии, когда в сознании носителя говора побеждает та или иная словообразующая модель» [2, с. 308]. Причем эти модели могут быть смешанными, формироваться под воздействием как диалектного, так и литературного языка, поскольку границы между ними для носителя говора зачастую не существуют. Характеристика диалектных словообразовательных моделей опирается на традиционные критерии, но к ним необходимо добавить показатели, определяющие диалектную специфику форманта и мотивирующей основы переходных белорусско-русских говоров. Для диалектного форманта устанавливается наличие тождественного словообразовательного форманта в русском и/или белорусском литературном языке, а также совпадение/несовпадение словообразовательного значения; к характеристикам мотивирующей основы добавляется указание на ее диалектный или литературный характер – русский, белорусский или общий для обоих языков.

О белорусско-русском воздействии на процессы денотативного уровня могут свидетельствовать словообразовательные модели субстантивного и

адъективного словообразования с «участием» приставки *без-* (*бес-*). Словообразовательные модели имен существительных и прилагательных в говорах МСП свидетельствуют об экспансии приставки *без-* (*бес-*), конкурирующей с приставкой *не-*. Приставка *без-* (*бес-*) в русском и белорусском языках служит для выражения значений 'отсутствие или недостаток чего-л.' – у существительных и 'лишенный чего-л. не имеющий чего-л.' – у прилагательных. Приставке *не-* в составе существительных и прилагательных может иметь значение 'отсутствие того, что выражает слово без приставки', а в составе прилагательных – указывать на противоположность с оттенком *умеренности, ограниченности* признака, качества. В диалектном словообразовании именно в силу этот оттенка умеренности признака приставка *не-* уступает свои позиции приставке *без-* (*бес-*). Так, диалектные существительные и прилагательные, образованные путем *префиксации*, в литературном языке – белорусском и/или русском – имеют соотносительные слова с приставкой *не-*: *без-люди* – *не-люди*: *Усякия люди жывуць на свету – и харошыя, и безлюдзі*. Церковище. Клим. Мгл.; *без-здоровье* – *не-здоровье*: *Во у мяне саўсем слабая здароўя. Эта бизздараўя замучыла на нет*. Селец. Мст.; Мгл.; *бес-покой* – *не-покой*: *У мяне у серцы биспакой за маіх дзяцей, як яны там у горады*. Полошково. Клим. Мгл.; *бес-счастье* – *не-счастье, ня-шчасце*: *У саседзяў вялікая бишчыстая – ядынава сыночка пыхаранілі на той нядзелі*. Соино. Хисл. Смл.; *без-уважливый* – *ня-ўважлівы*: *Сасет наш такэй бизуважлівы, нікагда ад яго добрава слова ні услышыш*. Хорошково. Хисл. Смл.

В говорах МСП, как и в обоих литературных языках, продуктивно *префиксально-суффиксальное* образование существительных по модели *без-* (*бес-*) + суффиксы *-иц-, -ниц-, -ј-* [З. с. 232]. Мотивирующие слова таких диалектных дериватов употребляются в обоих литературных языках; форманты имеют два значения: а) 'отсутствие или нехватка того, что названо мотивирующим словом': *бес-квас-иц-а* 'недостаток или отсутствие кислоты в пище': *Зварыш капусту свежую – во и бисквасица. Яна ш ні квашаная, капуста етая*. Селец. Мст. Мгл.; *бес-сен-ниц-а*: *Летысь была бяздождица, трыва пыгарела. Як скатина при бяссеницы будить зимувать?* Соино. Хисл. Смл.; *без-дров-ј-е*: *У нас лес далёка, таму и бяздоўя часта бываць; тады мы печку торхам топим*. Кр. Буда. Крич. Мгл.; б) 'явление, состояние, характеризующееся отсутствием или нехваткой того, что названо мотивирующим словом': *без-дожд-иц-а* 'о засушливом лете': *Пызагот у нас бяздожжыца была, ничаво ні урадила*. Любавичи. Мон. Смл.; *бес-сон-ј-е* 'болезненное состояние вследствие отсутствия сна': *Адна баба памёрла ад бяссонья – цэлы гот ні спала*. Соино. Хисл. Мгл. Существительные *беспутица, беспутье*, соответствующие по значению литературному *распутица*, свидетельствуют, что в условиях устного бытования говоров их носители отдают предпочтение

словам с прозрачной мотивацией: *Зноў тут восіно бяспуціца будить, што ні прайці ні праехаць*. Звенчатка, Клим. Мгл.; *Куды ты паедзіш, ноччу ды ў бяспуціця – такі дошч быў*. Соіно, Хисл. Смл. Значительно шире в говорах МСП представлены модели, где в форманте имеется несвойственное литературному языку сочетание приставки *без-* (*бес-*) с суффиксами *-овниц-, -овщин-, -ух-*: *без-гриб-овниц-а* ‘неурожаи на грибы’: *Летась у нас апенькі мяшкамі насілі, а ў етым гаду бязгрыбоўніца – якія грыбы біз дажжоў*. Липовка, Хот. Мгл.; *без-лад-овщин-а* ‘семейные раздоры, ссоры’: *Два года паслі свадьбы жылі харашо, патам пачалася бязладаўшчына; чаго яны ўжо ні пыдалилі*. Звенчатка, Клим. Мгл.; *без-батьк-овщин-а*, ‘отсутствие отца в семье; отсутствие отцовского воспитания ребенка’: *Раней дитям, што жылі ў бізбатькоўшчыні, школа намагала адёжай, грашамі, а січас этага німа*. Соіно, Хисл. Смл.; *без-дет-ух-а* ‘отсутствие, неимение детей в семье’: *У моладасьці Манька ражась ні зыхатела, цяпер жыўуть у бяздетухі старыя, вады некаму пыдаць*. Селец, Мст. Мгл.

Агентивные существительные образованные по модели *без-* (*бес-*) + суффиксы *-ок-, -ник-, -ниц-* в литературном языке являются единичными [З. с. 232], но в говорах МСП представлены достаточно широко, напр.: *без-вер-ок* ‘безбожник, атеист’: *Яце нідаўна ўсе былі бязверкамі, а цяпер усе да Бога пыдалісь*. Домамеричи, Клим. Мгл.; *без-дет-ник* и *без-дет-ниц-а* ‘семейный человек и замужняя женщина, не имеющие детей’: *Сваіх дзятей многа, дык пышла за бяздетніка*. Соіно, Хисл. Смл.; *Я во жысь з мужыком пражыла, а дзятей німа, дык бяздетніца*. Селец, Мст. Мгл. Существительные *бессовестник* и *безработник* употребляются в говорах МСП вместо субстантивированных слов *бессовестный* и *безработный*: *Што ты, бяссовісник, г дэўкі прыстаеш, – ня нужан ты ёй*. Соіно, Хисл. Смл.; *Шчас жыцьця трудная, вунь сколькі бизработнікаў развалюся – і ўсе маладыя яшчо*. Лобковичи, Крич. Мгл. Но большинство агентивных существительных образуются при сочетании приставки *без-* (*бес-*) с диалектными суффиксами *-овиц-, -овщин-, -ович-, -евщин-, -ешник-, -ух-, -ухн-*, напр.: *без-мозг-овиц-а*, *без-мозг-овщин-а* ‘тупой, ограниченный человек’: *Етый бизмазгавіца ня можыць сабразіць, якая слова к месту сказана, а якая не*. Звенчатка, Клим. Мгл.; *Сасет наш во бизмазгоўціна – заліўся воткай і пабіў усех курей*. Любавичи, Мон. Смл.: названия детей, выросших без отца (на базе белорусского *батьк-а* при возможном усечении мотивирующей основы): *без-батьк-ович-□* и *без-бат-евщин-а*. *без-бат-ешник-□*: *Ети Воўка и Лёшка маскалі, яны бизбатькавічы, ён их кінюў, пьняціцам быў*. Кр. Буда, Крич. Мгл.; *У нашава Ігарька батькі нету – пытаму и бизбатеўшчына*. Соіно, Хисл. Смл.; *Анорей палобіў Алёну, узяў яе и бизбатишніка усынавіў*. Ковшово, Мст. Мгл.; наименования бездетных мужчин и женщин с белорусскими словообразовательными суффиксами *-ух-*,

-ухн-: *Лявон памёр бядетухам, некаму і пахаранить – ні дзятей, ні ўнукаў.* Полошково, Клим. Мгл.; *Да трыццати гадоў я была бядетухнай, патам два-іх сразу радилa.* Ковшово, Мст. Мгл.

В говорах МСП отмечена непродуктивная модель словообразования существительных – нулевая суффиксация, по которой создаются как агентивные, так отвлеченные существительные (последние обозначают состояние с указанием на отсутствие того, что названо мотивирующим словом: *безум-Ø-□* ‘безрассудный, неумный человек’: *Разныя учаники ў школы былі – умныя былі і бяумы.* Звенчатка, Клим. Мгл.; *бессонь-Ø-□* ‘бессонница’: *Во пыт старасьць стала балетъ, бессань п’явилася.* Викторово, Красн. Смл.; *безудерж-Ø-□* ‘отсутствие сдерживающих побуждений’: *Еты бяудирж яго і давеў да ряшотки.* Звенчатка, Клим. Мгл. В говорах МСП, как и в литературном языке, весьма немногочисленны прилагательные с приставкой *без-* (*бес-*) и нулевым суффиксом, имеющие значение ‘лишенный того, что названо мотивирующим словом’: *бес-прок-Ø-ий* ‘беспользительный, не приносящий пользы’ *И нашто мне такая бяспрокая карова, ні малака ад яе, ні масла.* Звенчатка, Клим. Мгл.; *без-забоч-Ø-ий* ‘беззаботный, беспечный’: *Што за маладыя пашлі: жэнюца, дитёнка завядуць, а ўсё такая ж бизабочия – кинуть малага баби и гуляють сабе.* Полошково, Клим. Мгл.

Таким образом, рассмотренные особенности субстантивного и адъективного словообразования определяются двумя факторами – спонтанным характером создания новых слов в условиях устного бытования говоров и языковой спецификой переходных русско-белорусских (белорусско-русских) говоров МСП.

Літэратура

1. Сузанович, В.Б. Говоры могилевско-смоленского пограничья : опыт сравнительно-типологического описания / В.Б. Сузанович // Проблемы изучения и преподавания русского языка в вузах республики : тезисы докладов научно-методической конференции, Минск, 20–22 мая 1992 г. / редкол.: А.М. Бардович [и др.]. – Минск, 1992. – Ч. 2. – С. 130–133.
2. Лунькова, Е.С. Диалектный словообразовательный тип / Е.С. Лунькова // Смоленск Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города) : сб. статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 4–5 октября 2012 г.) / редкол. проф. И.А. Королева [и др.]. – Смоленск : Маджента, 2012. – С. 307–311.
3. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1 : фонетика : фонология : ударение : интонация : словообразование : морфология. – 709 с.